

был французский Нины Чавчавадзе — возможно, она делала ошибки, и это было подтрунивание со стороны Грибоедова? (Вяземский, например, правил французский своей жены (при том что сам ей писал только русские письма, а она ему отвечала по-французски): «А в самом деле надобно тебе приняться за грамоту. Пора! Ты уж такие отпускаешь со мною выходки, что ужас! Ты пишешь мне que le chapeau s'étire!!!! sur la tête. Господи Иисусе Христе! Это что такое!».²⁰ Вера Федоровна, однако, возражает: «Si la phrase *le chapeau s'étire* te paraît ridicule, je la tiens de M-r Bauvais, négociant français, qui me l'a faite ainsi».²¹ Вернемся к надписи на чернильнице — если речь идет о шутке, то, конечно, мы можем только предполагать, что могло послужить причиной ее возникновения. Впрочем, мы не знаем, действительно ли это была шутка — да и никогда не узнаем. Возможен, правда, и такой вариант: Нина Александровна вполне владеет французским языком, Грибоедов находит на базаре в Тегеране чернильный прибор с готовой малограмотной надписью, употребленный вариант имени «Нина» («Nynaubie») кажется интересным, и он покупает чернильницу в подарок жене, понимая, что она оценит и подарок, и надпись с нелепыми ошибками.

²⁰ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 5. Вып. 1. С. 24. Пер.: «...что шляпа растягивается на голове» (фр.).

²¹ Там же. Т. 5. Вып. 2. С. 126. Пер.: «Если фраза *le chapeau s'étire* тебе кажется нелепой, так знай, я ее услышала от г. Бове, французского торговца, это он мне так сказал» (фр.).

DOI: 10.31860 / 0131-6095-2019-2-86-97

© О. Л. Фетисенко

ЧЕРНОВИК НА ПЕЛЕРИННОЙ ВЫКРОЙКЕ (Н. С. Соханская и ее «письма о Фаусте» к П. А. Плетневу)

В самом начале 1846 года издатель «Современника» получил письмо и рукопись, присланные с хутора Макаровка Изюмского уезда Харьковской губернии. Автором представленной на суд П. А. Плетнева повести «Графиня Д***» была Надежда Степановна Соханская (1823–1884),¹ за несколько лет до этого с шифром кончившая курс в Харьковском институте благородных девиц. Эта повесть не была ее первым произведением: в 1844 году увидел свет «Майор Смагин».² Плетнев подверг присланную ему вещь строгой критике,³ но это не помешало завязаться переписке, что стало началом длинной истории «литературной дружбы».

Дело в том, что Соханская уже в первом письме просила не просто оценить свой труд (как делают все молодые авторы, обращающиеся к мэтрам), но дать ей большее — стать «руководителем» не только в словесности, но и вообще в жизни: «...что-то говорит мне,

¹ О Н. С. Соханской, с 1856 года пользовавшейся литературным псевдонимом «Кохановская», см.: Платонова Н. Н. Кохановская (Н. С. Соханская). 1823–1884: Биографический очерк. СПб., 1909; Викторovich В. Уроки одной судьбы // Литературное обозрение. 1989. № 3. С. 110–112; Фетисенко О. Л. Достоевский, «петербургская литература» и «русское сердце» малороссиянки Кохановской // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2016. Т. 21. С. 303–321.

² Сын отечества. 1844. № 11. С. 321–325; № 12. С. 347–358; № 13. С. 369–377 (подписано: Надежда С***).

³ По-видимому, еще до получения ответа от него Соханская отправила рукопись и в «Отечественные записки». Из этой редакции она не получила никаких известий и только в 1850 году (как выясняется из переписки с Плетневым) узнала, что повесть была в свое время опубликована (Отечественные записки. 1848. Т. LXI. С. 333–356; подписано: Надежда ***). Произведению посвящена рецензия А. В. Дружинина, в которой критик указал «на чрезмерную сгущенность красок, ходульность типов и неестественность положений» и отметил как недостаток «сжатость» слога ([Дружинин А. В.]. Письма иногороднего подписчика // Современник. 1849. № 1. С. 46).

что в вас я найду тот именно прекрасный образец участия, о котором так отрадно мечтать молодому сердцу».⁴ Известный библиограф С. И. Пономарев, посвятивший рукописному наследию Соханской несколько лет,⁵ так отзывался об интересующем нас эпистолярном диалоге: «...вся переписка ее с Плетневым так проникнута сердечною искренностью, что неотразимо увлекает и читателя, и мы не ошибемся, если скажем, что в литературе нашей (в печати) еще не встречалось примера *подобных* дружеских отношений».⁶

«Степная барышня», ставшая «заочной» ученицей ректора Петербургского университета, незаметно сделалась частью его домашнего круга. Ближе узнав ее, Плетнев написал: «В лице вашем судьба указала мне существо неоцененное, которое способно понять все прекрасное в жизни и поэзии. <...> Примите же от меня заочно все, все, чем мог бы наградить вас растроганный отец, нежнейший брат... и даже тот счастливец, которого некогда изберет сердце ваше; примите заочно мое благословение, мою дружбу и ту святую любовь, которой не чуждаются и ангелы на небесах».⁷

Пономареву были известны лишь самые первые письма Соханской и 67 писем Плетнева. Он знал, что существуют еще многочисленные послания (они теперь хранятся в Пушкинском Доме), но не успел познакомиться с ними, да и журнал «Русское обозрение», где он публиковал материалы архива Соханской, в начале 1898 года прекратил свое существование. Таким образом, опубликованной оказалась часть того, что потом не сохранилось в рукописях.⁸

К первым опытам своей названной ученицы Плетнев отнесся очень строго. О повести «Мятедь», оставшейся неизданной и потому утраченной для нас, он заметил, что «она еще хуже прежней» (т. е. «Графини Д***») и что письма Соханской нравятся ему гораздо более, чем ее повести.⁹ В ответ на просьбу обстоятельно рассказать о своей жизни Соханская в 1847–1848 годах напишет автобиографию (целую повесть-исповедь в пяти объемистых тетрадях),¹⁰ неожиданно обнаружив такой уровень владения словом и строгого самоанализа, что Плетнев будет поражен. «Автобиография ваша есть образец ума, воображения, вкуса и грации», — заметит он по прочтении первой тетради 1 сентября 1847 года.¹¹

⁴ Цит. по: Пономарев С. И. П. А. Плетнев и Н. С. Соханская (Кохановская) (Ее автобиография, посмертные бумаги и письма) // Русское обозрение. 1896. Июнь. С. 469.

⁵ По просьбе наследников он разбирал ее архив, впоследствии утраченный, подготовил ряд публикаций и мечтал об издании собрания сочинений.

⁶ Там же. С. 473.

⁷ Там же. С. 472 (письмо от 4 ноября 1847 года). Соханская в то время была платонически влюблена в своего новообретенного наставника, не исключено, что мечтала стать самым близким его другом из всех женщин. Два известия послужили для нее большой неожиданностью: сперва упоминание некой «мадмуазель Ольги» (она успокоилась, узнав, что речь идет о дочери Плетнева; прежде ей не было известно, что он вдовец), а потом — весть о его женитьбе на молодой княжне Щетининой. Однако Соханская повела себя исключительно деликатно и очень быстро эпистолярно подружилась и с А. В. Плетневой («Плетневочкой», как она стала позднее называть Александру Васильевну). Их дружба переживет и кончину Плетнева.

⁸ Письма к П. А. Плетневу Н. С. Соханской (Кохановской) // Там же. 1897. Январь. С. 384–396; Фев. С. 1007–1020; Март. С. 428–442. См. также: Пономарев С. 1) Рукописи Н. С. Соханской (Кохановской) и письма к ней // Там же. Февраль. С. 561–568; 2) Опись бумаг, оставшихся после Н. С. Соханской (Кохановской) // Там же. 1898. Январь. С. 277–312.

⁹ См.: Русское обозрение. 1896. Июнь. С. 470.

¹⁰ Впервые она издана посмертно тем же С. И. Пономаревым: Автобиография Н. С. Соханской (Кохановской) (Род. 1823 г. февраля 17; сконч. 1884 г. дек. 3) // Там же. Июнь. С. 480–488; Июль. С. 5–27; Август. С. 477–483; Сентябрь. С. 5–21; Октябрь. С. 479–495; Ноябрь. С. 64–108; Декабрь. С. 595–632 (отд. отт.: Кохановская. Автобиография / Вступ. статья и под ред. С. И. Пономарева. М., 1896). Это произведение в последние годы привлекает все большее внимание филологов. «Гендерный подход» применен в работах Х. Хогенбом и И. Л. Савкиной, более традиционные следующие работы: Латунова Н. В. К вопросу о жанровом своеобразии «Автобиографии» Кохановской // Південний архів. Херсон, 2013. С. 23–26; Самофалова Е. А. Жанровые признаки семейной хроники в женской мемуарно-автобиографической прозе второй половины XIX века: Дисс. ... канд. филол. наук. Курск, 2015. С. 164–184 (см. § 3.3. Способы самоописания автобиографического героя в воспоминаниях Н. С. Соханской и С. А. Толстой).

¹¹ Русское обозрение. 1896. Июнь. С. 470.

Восприятие не изменится и в дальнейшем. В одном из следующих писем Плетнев советовал: «Вы, как писательница, не должны походить ни на кого, а только на себя, подобно тому, как вы это сделали в своей биографии. Вот что вам дала *истина*: она-то вознесла вас до высочайшей и вечной поэзии...»,¹² а весной 1848 года восклицал: «...мне, вместо уроков вам, надобно было бы просить у вас их себе. Вы обладаете всем: воображением, чувством, умом, слоном и языком, — и все это неподражаемо-самобытно, скажу без гиперболы — гениально!..»¹³ 16 ноября того же года о заключительной части автобиографии Соханской Плетнев высказался следующим образом: «Вы умели так собрать черты внутренней жизни вашей и вставить их в рамку жизни внешней, что перед этою картиной и лучшая похвала покажется пошлостью». ¹⁴ Поделиться радостью о даре («таланте удивительном») «макаровской отшельницы», как ее потом будут часто называть, Плетнев не преминул в письмах к своим друзьям — В. А. Жуковскому, Я. К. Гроту, впоследствии и кн. П. А. Вяземскому.¹⁵

Работа над автобиографией, постоянная необходимость давать отчет обо всем увиденном и прочитанном (Плетнев советовал писать к нему как можно чаще — хоть раз в неделю¹⁶) и знакомство с трудами наставника и теми книгами, что он присылал, стали лучшей литературной школой для Соханской. 26 апреля 1849 года она писала о главном уроке, вынесенном из этой школы: «Вы научили меня выражать прекрасное просто и находить ему слова в его истине с силою духа или красотой вещи; а не звенеть набором фраз и пышных речений».¹⁷

Завершив в 1849 году повесть «Первый шифр», Соханская испрашивает разрешения посвятить ее своему «высокому наставнику». Плетнев не возражал, «Первый шифр» начали печатать в «Санкт-Петербургских ведомостях», по каким-то причинам публикация оборвалась и была начата заново в 1850 году. В то же время и при эпистолярном кураторстве Плетнева создавалась повесть «Соседи», последняя из тех, где еще у Соханской заметно сильное влияние Гоголя. В переписке с Плетневым обсуждалась возможность напечатать это произведение в «Отечественных записках», в итоге же оно было помещено в «Современнике» с большими не согласованными с автором сокращениями,¹⁸ вследствие чего писательница позже, в 1862 году, намеревалась переиздать ее в полном виде, но это не состоялось. Плетнев стал первым читателем документальной хроники «Старина», работа над ранней редакцией которой завершила этот период творчества Соханской.

Полную силу и самобытность писательница обретает приблизительно к своему тридцатилетию, в это время и совершается ее подлинный литературный дебют, перечеркнувший все прежние, еще ученические опыты. Начало нового периода совпадает с избранием писательского имени. Мы уже упомянули о том, что в 1856 года Соханская печаталась под псевдонимом «Кохановская».¹⁹ Важно отметить, что в этот период

¹² Там же. С. 473. Соханскую смущали эти похвалы, и 8 октября она отвечала: «Не постигаю, чем это я могла ввести вас в подобное заблуждение, но я хорошо знаю, что не захочу продолжать его. Да, многоуважаемый Петр Александрович: если, к моему несчастью, вам не угодно будет расстаться с вашим интересным понятием, то, как ни тяжело мне будет, а я должна буду лишить себя чести и, быть может, наслаждения сноситься с вами» (Там же. 1897. Январь. С. 393).

¹³ Там же. 1896. Июнь. С. 473.

¹⁴ Там же. С. 474.

¹⁵ См.: Там же. С. 469–475. См. также: *Плетнев П. А. Соч.:* В 3 т. СПб., 1885. Т. 3. С. 418, 490, 622, 641; Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым: В 3 т. СПб., 1896. Т. 3. С. 137, 212–213.

¹⁶ «...Умоляю вас пишите ко мне (если невозможно раз в неделю) два раза в месяц» (Русское обозрение. 1896. Июнь. С. 472; письмо от 1 сентября 1847 года).

¹⁷ ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 621. Л. 37 об. (письмо от 26 апреля 1849 года). В том же письме говорится: «Судьба моя литературная в ваших руках; располагайте ею, как вам угодно» (Там же. Л. 36 об.).

¹⁸ Согласно позднейшей записи автора, в журнальной публикации «встречаются пропуски безобразно большие, нарушающие смысл и связь рассказа» (*Пономарев С. Опись бумаг, оставшихся после Н. С. Соханской (Кохановской).* С. 279).

¹⁹ Этот псевдоним (важно подчеркнуть, что в нем не было инициалов) не придуман искусственно. Надежда Степановна взяла для себя родовую фамилию матери. В. Г. Соханская (урожд. Лохвицкая) имела предком «коханя» (воспитанника-любимца) знаменитого князя Константина

она надолго прекращает переписку со своим наставником (перерыв с 1 марта 1856 до 27 апреля 1859 года), желая явиться перед ним уже в ином качестве. Возобновляя общение после письма-оклика, пришедшего от А. В. Плетневой, она так объясняла Петру Александровичу свое исчезновение на целых три года: «Вы думали: что я забыла Вас? Мне Вас забыть? <...> это для меня так же невозможно, как забыть, что я — я. Но однако же я столько времени не писала к Вам? — И могла бы еще долее не писать — могла бы никогда не отозваться к Вам и все это не потому, чтобы я забыла Вас; а что я крепко, всей душою и благодарно полюбила Вас <...>. Вы припомните, чем Вы были для меня? <...> Без Вас, кажется бы, я не пережила, не перемогла той безысходной жизни, которая томила меня. Вы были для меня лучом света, который воздвигал меня.²⁰ Ваше внимание ко мне — Вы никогда не поймете, чем оно было для меня. <...> Много, может быть, в Вашей жизни Вы оказали благодеяний; но, писавши ко мне Ваши письма, думали ли Вы, что вот это одно из самых великих? <...> И чем мне было заплакать, отблагодарить Вам? <...> Я положила себе: пока я не сделаю хотя немного дела, не говорить Вам пустых слов. Я замолчала и перестала писать к Вам, Петр Александрович. На мне томлящим гнетом лежала затрата Вашего внимания ко мне, потеря Вашего дорогого времени на те дорогие письма мне. Господи! — говорила я, — хотя бы что-нибудь сделать! Хотя бы это одно не томило меня!.. <...> Примите от меня то единственное, что я могу принести Вам: мой маленький успех. Примите как истинную дань благодарной души, о которой я думала — гадала — и плакала, Петр Александрович. Поверите ли Вы мне, что я теперь плачу и отворачиваюсь, чтобы не запятнать письмо Вам... Могу смело сказать: Вы не читали страницы искреннее этой и никто Вам не говорил с такой глубоко-преданной любовью, с таким детским уважением и с такой благодарностью сердца».²¹

В это время она могла сложить к ногам учителя не «маленькую известность», как это скромно названо в письме, а настоящий триумф. Если повесть «Гайка» (последнее, что до перерыва в их общении успел прочесть Плетнев в рукописи) в 1856 году осталась незамеченной,²² то повесть «После обеда в гостях»²³ вызвала огромный интерес читателей и критиков. Мимо этого произведения не прошли ни славянофилы, открывшие в Кохановской живое подтверждение своим теориям о «положительном направлении» в литературе,²⁴ ни приверженцы эстетической критики, ни «реалисты». По выражению Б. Н. Алмазова, в литературе «появился новый чрезвычайно-замечательный талант, обративший на себя внимание как знатоков изящного, так и друзей нашей народности».²⁵

Московские славянофилы ищут ее знакомства, приглашают сотрудничать в журнале «Русская беседа». Кохановская не сразу разрывает старые литературные связи, но потом становится автором почти исключительно изданий И. С. Аксакова, с которым будет постоянно переписываться.²⁶ В 1863 году он же выпустит двухтомник «Повести

Острожского, от которого пошло родовое имя Кохановских. После переселения одной из ветвей рода в местечко Лохвицы, в отличие от других Кохановских, они стали зваться Кохановские-Лохвицкие, а затем просто Лохвицкие.

²⁰ Тот же образ использован и в чуть более поздней дарительной надписи на оттиске изданной в журнале «Русская беседа» статьи Кохановской «Степной цветок на могилу Пушкина» (М., 1859): «Высокоуважаемому Петру Александровичу Плетневу на память того луча света, которым он осенял неизвестного автора. / Соханская-Кохановская / Макаровка / 1859 31 октября» (оттиск из библиотеки Плетнева хранится в Пушкинском Доме).

²¹ ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 621. Л. 91–92 об.

²² Она была напечатана в альманахе «Пантеон», тогда же прекратившем свое существование; позднее в новой редакции повесть появится в «Русском слове» и тогда уже обратит на себя подобающее внимание.

²³ Русский вестник. 1858. Август. Кн. 2. С. 639–696.

²⁴ См.: *Кунильский Д. А.* Достоевский и братья Аксаковы: спор о русской литературе. Петрозаводск, 2013. С. 107–116.

²⁵ Б. А. [Алмазов Б. Н.]. Взгляд на русскую литературу в 1858 году // Утро: Литературный сб. М., 1859. С. 78.

²⁶ См.: *Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская): Переписка (1858–1884)* / Сост., вступ. статья, подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко. СПб., 2018 (Славянофильский архив. Т. 4). См. также: *Вихрова Н. Н.* Аксаков и Н. С. Соханская (Кохановская): перипетии творческого

Кохановской».²⁷ Этому предшествовало уже не эпистолярное общение: летом 1862 года писательница отправилась в большое путешествие, впервые выбралась в столицы. В Москве она познакомилась с Аксаковыми (Константина, с которым она тоже переписывалась, уже не было в живых, как и С. Т. Аксакова и А. С. Хомякова, тоже высоко ценивших ее творчество), семьями Погодиных, Кошелевых, Елагиных, Вельтманов, со всем славянофильским кругом в широком его понимании. В Петербурге ее ждала встреча с Плетневым и его семьей. У них она и остановилась — в ректорском флигеле университета и на даче в Лесном.

10 января 1866 года по новому стилю Плетнев скончался в Париже. Узнав об этом в день смерти своей любимой тетушки Капитолины Григорьевны Лохвицкой, Соханская сразу же задумала мемуарный очерк о наставнике, но скорбь была так велика, что она не смогла создать его, и это спровоцировало долгий творческий кризис. В Пушкинском Доме сохранилась сделанная Н. П. Грот выписка из письма Соханской к кн. Н. Н. Голицыну от 20 октября 1870 года; Голицын тогда начал работу над «Биографическим словарем женщин-писательниц» и обратился к автору «Гайки» с просьбой дать сведения о себе (как сообщала она Аксакову, даже хотел посвятить ей этот словарь²⁸). Выписанным оказался именно фрагмент о Плетневе, что вполне объяснимо — Н. П. Грот была вдовой одного из ближайших его друзей: «Вы упомянули о Плетневе, единственном человеке, которому я считаю себя обязанною в жизни. Бедная, в моей глуши, никем незнаемая, неопытная девочка, с позывами таланта, который томительно искал развития и исхода, я приняла этого человека от Бога и в нем нашла себе высокого наставника и друга. Моя душа полна глубочайшею признательностью и благоговением к нему; но странное дело! я не могу говорить о нем печатно, решительно не могу. Все, что я думаю сказать, не выходит так, как я бы хотела, не дается мне. Все ниже того, как мне следует говорить о Петре Александровиче и как ему следует быть явленным в памяти моего сердца. Эта невозможность воздать должное Петру Александровичу моим словом составляло <так!> для меня такую нравственную и вместе жгучую авторскую муку, что оно было одною из причин моего литературного молчания за все эти годы. Женская совестливость чуткого всепреданного чувства томила меня и не давала говорить ни о чем другом, когда я молчала о Петре Александровиче Плетневе».²⁹

Характеризуя эпистолярное наследие писательницы, С. И. Пономарев заметил: «Соханская в письмах своих напоминает Эмерсона.³⁰ Верующая, светлая, увлекающаяся душа ее сквозит решительно во всем, во всяком письме ее к близкому или родному лицу. <...> за немногими исключениями интимного характера, письма ее, написанные с таким талантом, должны составлять общественное достояние; они так умны, так сердечно хороши, что издание их является неотложным долгом».³¹ Переписка Надежды Степановны с семьей Плетневых, пусть и не сохранившаяся в полном виде, в настоящее время готовится к изданию, а в этой статье мы хотели бы остановиться лишь на одном эпизоде, представляющем большой интерес не только для истории творческого становления несправедливо забытой писательницы или для биографии Плетнева. Этот эпизод, возможно, дополнит картину рецепции в России одного из величайших памятников мировой литературы — «Фауста» Гете.³² Но сперва нужно по-

взаимодействия // Христианство и русская литература. СПб., 2017. Сб. 8. С. 467–486; Фетисенко О. Л. «Истина — живая сила»: Братья Аксаковы и Кохановская (Н. С. Соханская) в 1860 году // Христианское чтение. 2017. № 3. С. 232–252.

²⁷ До этого, уже после возобновления переписки, свои посреднические услуги для издания собрания сочинений предлагал Соханской и Плетнев.

²⁸ Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская). С. 286.

²⁹ ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 9. Ед. хр. 56 а.

³⁰ Имеется в виду американский эссеист Ральф Эмерсон (Ralph Waldo Emerson; 1803–1882).

³¹ Русское обозрение. 1896. Июнь. С. 478.

³² В отличие от Белинского, Герцена, Тургенева Соханская не «переоценивает Гете с точки зрения новых политических и социальных проблем» в духе «передовой либеральной и демократической мысли» (*Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. Л., 1982. С. 284), ни в коей мере не участвует в «борьбе за Гете». Как увидим, основная интенция ее размышлений о «Фаусте» находится в области религиозной. Позднее Кохановская будет говорить о насущной необходимости

яснить ряд обстоятельств, предшествующих появлению письма, черновик которого действительно был записан на пелеринной выкройке.

Страсть к чтению развилась у Соханской еще в институте и поддерживалась замечательным педагогом Михаилом Ивановичем Ильенко (?–1861),³³ но потом не находила насыщения — в степной глуши трудно было достать книги,³⁴ появление каждой становилось событием, книгами обменивались с соседями, но мало кто из них мог позволить себе выписать литературный журнал или приобрести какое-то ценное издание. Плетнев несколько раз осведомлялся о составе библиотеки Надежды Степановны, и та с мягким юмором отвечала, что библиотека содержит главным образом подарки самого вопрошающего. Еще до эпистолярной встречи с Плетневым Соханская не была простой читательницей, но умела задавать себе работу, чтобы, как сейчас бы выразились, «не потерять форму». Ее архив, судя по описи, был полон тетрадей с конспектами, каждую книгу она поистине *проживала*. Пономарев упоминает, что среди бумаг Соханской он обнаружил «разбор Иоанны Д’Арк Шиллера <...> разбор Орлеанской Девы в переводе Жуковского, заметки о главных лицах Шекспировских пьес».³⁵

Плетнев, согласившись руководить трудом «степной барышни», предложил ей прежде всего — вместо курса лекций — со вниманием прочитать весь комплект «Современника», которым он ее заботливо снабдил, и дать отчет в прочитанном. Задание касалось преимущественно отдела критики.³⁶ Прорабатывая летом и осенью 1847 года том за томом, в одной из книжек за 1839 год прилежная читательница не пропустила статьи, которую, правда, ошибочно приписала сначала своему наставнику, на самом же деле она принадлежала Я. К. Гроту. Это была рецензия на первый полный перевод «Фауста» на русский язык, выполненный Э. И. Губером (1814–1847),³⁷ как выяснилось, — перевод, прочитанный Соханской еще в институтские годы. Так в письме от 15 ноября 1847 года появляется отдельный большой фрагмент о творении Гете.³⁸ Поскольку Надежда Степановна обмолвилась, что губерев перевод она читала в школьные годы, недавно же, в гостях у Ильенко, познакомилась с переводом М. П. Вронченко, но и того у нее нет под рукой, так что приходится содержание «Фауста» восстанавливать по памяти, Плетнев предложил прислать ей книгу, хотя и заметил, что перевод Губера ему не нравится. Соханская выразила отказ косвенно: «О Фаусте же вот что, Петр Александрович: Вы позволите мне в этом же письме представить окончательный взгляд на него и после уже сами решайте: нужен ли мне Фауст, или нет?»³⁹

Но не «библиографический» сюжет интересует нас, а завязавшийся в переписке спор (полноценно судить о нем, правда, трудно, потому что сохранился голос только

сти «проследить <...> вопрос о религиозности в нашей литературе» (Русская беседа. 1859. Кн. V. Отд. III. С. 15). Несозданная статья о «Фаусте» связана с тем же, основным для автора, интересом к религиозно-философской проблематике.

³³ В одном из писем к Плетневу Соханская рассказывала о своем учителе: «А я еще с девяти лет ему обязана: он один ободрял и возвышал меня, когда все уничижало, и, вы думаете, где я беру такие перлы книг — все у него!» (Русское обозрение. 1897. Январь. С. 396; письмо от 8 октября 1847 года).

³⁴ В некрологе Кохановской П. И. Бартенев писал: «Вся жизнь покойной Надежды Степановны, начиная с институтской скамьи, есть тернистый путь. <...> После Института ее, пытливую, живую, полную священного огня зарождающегося таланта, ожидала жизнь в глухой, степной деревушке без людей, без книг, без пера, без бумаги и без копейки денег. <...> Первые свои литературные опыты покойная писала на старинных синих рапортах покойного своего отца (ротмистра и вместе казначея)» ([Бартенев П. И.]. Н. С. Соханская (Кохановская) († 3 декабря 1884) // Русский архив. 1885. № 4. С. 629).

³⁵ Русское обозрение. 1896. Июнь. С. 477.

³⁶ Письма-«отчеты» наполнены размышлениями именно о статьях и рецензиях. Это и понятно: изучая подобный материал, молодая писательница должна была понять принятую Плетневым «ценностей невидимую скалу».

³⁷ Современник. 1839. Т. XIII. № 1. С. 73–78. Об этом переводе см.: *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. С. 410–418; *Левин Ю. Д.* Э. И. Губер — переводчик «Фауста» Гете // *Левин Ю. Д.* Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Л., 1985. С. 51–71.

³⁸ Русское обозрение. 1897. Февраль. С. 1013–1015.

³⁹ ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 621. Л. 3 об. (письмо от 2 мая 1848 года).

одной из сторон), и главным образом то, что из достаточно случайной реплики в ученическом письме с отчетом о прочитанном начал вырастать замысел оригинального сочинения.

Итак, тема «Фауста» вводится упоминанием о «внимательной разборчивости» в отзыве о переводе Губера,⁴⁰ и сразу вслед за этим Соханская просит позволения рассудить, правильно ли она понимает творение Гете.⁴¹ Поскольку первое «письмо о Фаусте» опубликовано, мы можем ограничиться лишь перечислением основных его положений. Соханская задается вопросом о «доисторическом периоде» жизни героя и самым важным моментом считает испытанный им кризис: горячо верующий и любящий людей, «как Моисей за людей своих, он, в жару сердечной веры, думал один стая за страждущих», но его молитва не была услышана, и все последующее происходит из-за этого «оскорбленного чувства веры».⁴² Затем она вспоминает несколько важнейших эпизодов первой части «Фауста» (вызов духа земли, несостоявшееся самоубийство, появление Мефистофеля), подводя к моменту заключения договора: «...как равнодушно, как дешево отдает себя Фауст...».⁴³ В дальнейшем Соханская выскажется более развернуто. У нее, по обыкновению, не осталось предварительных записей, поэтому ряд положений первого письма будет повторен. Этот более подробный разбор, а также несколько последовавших за ним фрагментов на ту же тему будут ниже приведены целиком как неизвестный и значимый документ эпохи.⁴⁴ Первый отрывок мы приводим полностью, чтобы читатель получил представление не только о содержании, но и о самом «колорите» переписки, о манере ведения беседы, которая так расположила к себе Плетнева.

Разговор о «Фаусте» оказался сначала прерванным почти на полгода. Это было связано с обидой, которую Плетнев невольно нанес своей ученице, слишком долго не отвечая на ее ноябрьские письма. Вмешались и почтовые проблемы: написанное в середине февраля пришло в Макаровку только в марте, когда Соханская уже успела отправить в Петербург прощальное, как она думала, послание. Только когда корреспонденция примет более правильный характер и вместе с этим восстановится теплота отношений, Соханская в письме от 2 мая 1848 года продолжит свою маленькую «диссертацию».

«Я нахожусь в затруднительном положении: как начать? Надобно Вас предупредить, мой благотворительный наставник, что здесь Вы услышите вещи неслыханной смелости. Я сама вижу их великую дерзость; но что ж мне делать, когда мне так думается. Вы погрозите на меня; но все, однако ж, послушайте. — Я думаю по переводу Вронченка; Губера я не помню. — И страшна эта первая дума! Она говорит, что Гете не выдержал своей идеи: увлекся ложной силой поразительного трагизма и упустил из вида свою высокую, чудную драму. В таком положении, каков есть Фауст, он не мог и не может быть кончен; Гете это сам показал: он не кончил Фауста; а только впоследствии *приделал* к нему конец — и, как всякая неловкая приделка, конец отскочил, и Фауст остался в мире изящного какой-то громадой, как бы уроненной вдруг с плечей титана и оставшейся лежать на полуцуги.

Мне совестно признаться в своей оплошности, а и утаить нельзя. Чернового списка с начального разбора Фауста у меня нет. Есть кусочек на пелеринной выкройке; но, как нарочно, нужно ж ему было подойти под самый вырез! Остались слова: *Фауст да Фауст*, да в третий раз: *Фауст; испытание, Ангелы* — и все тут; а я совершенно забыла: как я? что писала? Пожалуйста, добрейший Петр Александрович, позвольте мне, для меня самой, набросить лёгенькой очерк с самого начала, и, если найдете в словах моих разногласицу, припишите это ни чему другому, как только в полной мере женскому мозгу, в который если скоро входит мысль, то еще скорее выходит из него.

⁴⁰ Русское обозрение. 1897. Февраль. С. 1012.

⁴¹ «Вооружитесь вашей наставнической терпеливостью — позвольте мне рассказать: так ли я понимаю „Фауста“? и объясните мне его, пожалуйста» (Там же. С. 1012–1013).

⁴² Там же. С. 1013, 1014.

⁴³ Там же. С. 1015.

⁴⁴ В тексте при этом сохранены особенности авторской орфографии. Пунктуация приведена в соответствие с современными нормами.

Фауст — это Иов Гетева мира или его гения; только там великой заклад держит сам Бог; а здесь Его Ангелы. Мефистофель — один и тот же: злобный, недоверяющий и в самом добре видящий скрытое зло. — Испытание началось. Фауст не готовится постепенными ударами к перенесению больших бед; — ему наносится всего один удар, но жестокой: в самое сердце. В том месте, где живет Фауст, моровая язва; Фауст лекарской сын и сам лекарь по пламенной, страстной любви к человечеству. Вместе с отцом он бросается на помощь, и, можно судить, с каким юношеским жаром работал Фауст! как порывалась его молодая, любящая душа! И что же? Ни одна язва не истребила столько людей, как истребили они с отцом, — говорит сам, с горькой насмешкой, Фауст. Лекарства Фауста, их действительность, его сила знаний, все уничтожается перед губительной силой испытанья, и страстное участие Фауста веет пагубой. Но, как и должно быть великому заложу неба, Фауст не только пламенно любящий; он и глубоко верующий. Он знает, что все от Бога, все у Него и ничего нет невозможного вере и крепкой любви; и пламенно-восторженный юноша, Фауст, как древний Моисей, становится перед Богом и говорит: „Пусть вычеркнусь я из Книги Жизни; а оживи людей“.⁴⁵ — Как велико должно быть внутреннее самосознание, чтобы язык осмелился произнести подобную молитву — поставить одного человека жертвой выкупа за столько людей! Но потому-то Фауст и заклад Ангелов, что он мог молиться так. Но испытание уже в самой силе: как ни благоуханна эта молитва, но Ангелы не несут ее к Богу; Господь будто не внимает ей, и она остается бесплодной. (Это есть на выкройке.) Какой удар для веры, для любви, для высокой надежды Фауста! Они поражены, уязвлены — и Фауст пал. Но пал, как падают сильные, без ропота, без жалоб; он гордо сознает себя, и самоуверенность, и тяжелая непреклонность — непокорность заступили место веры, — кроткое, возвышенное место любви; у Фауста теперь своя надежда. Посредством науки завладеть тайниками жизни, вызвать великого духа земли и властительно сказать ему: „Что и как у тебя? — говори“. — Фауст делается черно-книжником. Идут годы; юноша-Фауст — уже муж; уж он почти старик; но он не замечает и седин на голове своей: дух, великой дух! — вот где весь Фауст. Наконец дух является; Фауст в восторге; но что же? Он не может сносить этого явления; Фауст слаб перед ним, как дитя; он падает ниц, и великой дух с укором исчезает. Что делать человеку без веры в Бога, потерявши веру в самого себя? — Фауст хочет отравиться. Уж он подносит яд ко рту; а на земле великая ночь, ночь воскресения Господня — раздаются колокола, люди молятся; слышно неслышное пение Ангелов: оно невнятно уху, но тайно-сладостно говорит сердцу — и Фауст растроган. На него навеялись воспоминания из жизни былой — незаменяемые воспоминания; ему будто жаль вылить на них эту горькую чашу яда — и он ее отталкивает. Фауст живет; но вот цена этой жизни: ее и в придачу душу Фауст отдает за одно мгновенье, которому он бы захотел сказать: „Вернись, милое! — остановись!“ — Мефистофель берется доставить это дорогое мгновенье; союз заключен и подписан; идут...

До сих пор драма совершалась в мире духов, совершалась в четырех стенах почти настолько же удаленных от земли, как и от неба; она совершалась в глубине духа Фауста, едва коротко, отрывисто прорываясь наружу; теперь она вся как бы вылилась и потекла широким губительным потоком. Фауст до сих пор падал невидимо, падал только духом; теперь его падения начинают принимать образы; они страшно воплощаются. Фауст за столом с самыми низкими пьяницами, Фауст на кухне ведьмы и пьет ее снадобье; Фауст на шабаше ведьм... Именно там он должен был быть: ведьма и ведет к ведьмам, снадобье было такого сорта. И вот тут я нахожу ошибку Гете: он рано вызвал Маргариту и погубил ее. Повторяю: он увлекся ложной силой поразительного трагизма и погубил великую драму. Что здесь доказывает? к чему ведет явление Маргариты — между кухней ведьмы и шабашем ведьм? Что после еще более доказал сам шабаш? И к этому ли избирать такое светлое, пленительное создание красоты, невинности — такой чудно-младенческой нежности? Но Гете и сам вначале не готовил ее к этому; он давал Маргарите ее настоящее значение: кроме всего, стоит только

⁴⁵ Ср.: Исх. 32: 31–32.

припомнить сцену в ее комнатке, когда Фауст один — какая чудная, вытекающая из самой души — умиляющая, всеочищающая поэзия!

Я Вам сказала, мой наставник, что Вы услышите вещи неслыханной дерзости, и они вот:

Чтобы кончиться Фаусту, чтобы развиться этой драме по ее первоначальному великому плану, ей надобно было следовать так: из кухни ведьмы — прямо на шабаш: и дорога туда лежит, и ведет Мефистофель. Фауст пляшет с ведьмами; Мефистофель хлопочет; помнится, сам подбирает пары, и в это ли время Ангелы останутся в бездействии? Нет: время уже и им действовать. Но они не сходят с горних своих мест, чтобы лететь на помощь: у них на земле есть свои помощники; они только делают так, что Фауст встречается с Маргаритою. И это дело именно их: потому что, хотя Мефистофель лжет и хватает, что будто он доставил эту встречу; но в пиесе видно, что это сделалось вовсе против его воли и даже ему очень не по сердцу такое сближение. — И в ее неопределенном, потерянном значении, первая сцена в комнатке Маргариты удивительно хороша, усладительна сердцу; но теперь, но здесь — после этой широкой лестницы падений, это было бы первой ступенью к восстанию, начиналась бы развиваться новая, благодатная драма и какое начало поэтическое! Какая внезапность умиренья — очищенья чувств, и эта светоносность мысли! И все это погубить — погубить ради того только, чтобы представить разительную погибель! Душе более нежели грустно; и как-то досадно-горько. Гете еще несколько времени верен своему возвышенному началу. Сердце Фауста сладостно полно; он ищет уединения; буря его застает в пещере, в лесу; потом он выходит и размышляет. Я не помню, что именно он говорит; но смысл слов дает видеть: как он ближе стал к Богу, как светло развернулась в душе его природа, когда он взглянул на нее глазами умиленного сердца.⁴⁶ Маргарита спрашивает: „Ты веруешь?“ — И Фауст с глубоким сознанием величия Божия и, когда хотите, с тайной грустью, говорит: „Милый друг, оставим это. Кто точно смеет сказать: я верую, или я не верую в Него?“ — „Но ты ходишь в церковь? ты причащаешься?“ — продолжает Маргарита, и это должно было идти до конца. Маргарита должна была стать деющей⁴⁷ пружиной спасенья Фауста: для того она и послана Ангелами, оттого ее так пророчески и не терпел Мефистофель. Ей дана была чудесная сила; не только она, даже место, где она жила — в ее отсутствии, действовало в ее же смысле. Кто может не чувствовать, какими чистыми целительными струями разлилась бы эта прекрасная, высокая драма? И в каком истинном, настоящем свете тут явилась бы женщина: смирать эту гордую мощь ума мужчины теплотою веры и чувством своей кроткой любви. — Но Гете захотелось ужаса мраков среди благостны утра — и он убил свет Фауста, убил и его. Фауст остался неконченным, каким-то блуждающим — как бы бесприютным. Невозможно защититься от внутреннего голоса, когда читаешь последний хор Ангелов: „Она спасена“; точно слышится другой: „А ты погиб“. — Нет, Петр Александрович, не присылайте мне Фауста! Даже последняя весть спасенья, она не целит и не успокаивает души: тому мало грустного, собственного спасенья, кто поставлялся спасать других».⁴⁸

Это письмо Плетнев получил 15 мая 1848 года и отвечал на следующий день, что прежде не случалось в их корреспонденции. До получения ответа Соханская успела отправить несколько писем на другие темы, а 6–8 июня возражала на замечания Плетнева по поводу своего разбора «Фауста»: «Вы, Петр Александрович, очень мило и совершенно правдиво заметили, что споры наши не имеют как-то участи общих споров на свете — они не разделяют нас; а напротив: мне кажется, что я ни поспорю с вами, то вы становитесь ко мне ближе, а по крайней мере, двумя десятками верст. Но теперь предлежит страшное разделение. Мы с вами разъехались на Фаусте так широко, так далеко: точно как будто бы вы были в Петербурге, а я на краю света в Малороссии, и уж не знаю, какой наижарчайший спор хотя несколько сблизит нас. Но попробую, почтен-

⁴⁶ Имеется в виду монолог Фауста в начале сцены 14 «Лес и пещера».

⁴⁷ Действующей (*ц. слав.*).

⁴⁸ ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 621. Л. 3 об. — 6 об.

нейший Петр Александрович: облекусь во всеоружие вашего „Современника“ и начну разить седую даль от Спасской мызы⁴⁹ до Макаровки.

Вы говорите, что вы человек самый простой во всем, даже в суждениях о литературе. Об этой возвышенной простоте мы давно слышали от Пушкина: он нам сказал, что есть душа прекрасная, полная высоких дум и простоты,⁵⁰ — и мы верили ему, верим и вам; и спор идет о Фаусте.

Вот уже в другой раз вы, прямо и немножко с стороны, даете мне знать, что будто у меня есть склонность к метафизике. Не поверишь ли вам, когда вы скажете? — А не верится, мой прекрасный наставник. В душе женской метафизики нет, и в моем разборе Фауста ее, право, нет. — Не только теперь я согласна с вами; но и много прежде, и всегда я думала и даже как-то выражала вам, что искусство, поэзия не должны служить убежищем для теорий и разных умозрений, для туманного ловленья отвлеченностей. Поэзия — жизнь, а не метафизическая разгадка жизни. Она может и не высокоумствовать; но должна трепетать ощущеньем, силой, исполняться образами; всечасно молодеть, как сама мать-природа, и рождать сынов прекрасного высоким соединеньем ума и чувства, и проявленья воли. — Вам хорошо выражать свои мнения: вы скажете одно слово, и оно имеет силу закона; а я, чтобы добраться до чего-нибудь, должна исписывать целые страницы и приводить доказательства за тысячу верст.

Я не согласна и никогда не соглашусь, что Гете, писавши Фауста, имел в виду только набросать несколько сцен, частью протонародных, частью идеальных — такая мелочная, ничего не представляющая цель недостойна гения Гете, недостойна той заботы, по которой Гете занимался Фаустом почти всю жизнь. Идея, связывающая эти сцены, вам кажется, есть картина жизни, выражающая убеждение, что одни силы человеческого духа без преданности воли Божией не вынесут нас ни из какого искушения, а повергнут в гибель. Эта идея не ваша: вы сами говорите, что она навела вам чтением моего письма — стало, она моя; а с моею собственностью вы позволите мне, добрейший Петр Александрович, поступить, как мне вздумается? — Я поступаю вот как: уничтожаю эту идею и решительно не хочу принять ее. — В Фаусте нет места ей; нет места никаким идеям. Фауст так определенно высказался при самом начале (в хоре Ангелов и Мефистофеля): что он? и для чего? Картина его открыто выставила свои рамы, и переменить их нет никакой возможности. Фауст — не метафизическая выкладка отвлеченных идей; а живая, необъятная драма, полная образов и ощущений, которая взяла было себе уделом: *частным лицом* представить в высоко поэтическом зеркале, как человек может пасть и опять благодатно подняться. На этом паденьи и восстановленьи человека возвращаются все силы мира видимого и невидимого, и что ж мудреного, если Гете внес в свое земное зеркало целые хоры Ангелов и полно воплотил настоящего духа тьмы? Здесь, я с вами согласна, ему много помогла легенда. Но выполнил ли Гете свою великую задачу? — Это совсем другой вопрос. С паденьем Фауста Гете сам пал, и высокая драма разразилась страшной, удушающей трагедией. — Видите ли, как в главной основе своей мое понимание Фауста совершенно согласно с вашим, т. е. решительно свободно от всяких *обще-метафизических* идей и выносит печать одной поэзии, полной живых картин и ощущений? Даже вот вам доказательство: несмотря на то, что я так люблю, почитаю и уважаю г. Грота как вашего друга, мне всегда хотелось немножко спросить у него: „О какой это мысли, присущей всем странам и народам, говорит он, на которой, *конечно*, основано творение Гетево?“ (1839, т. XIII, стр. 77).⁵¹ Нет, глубокоуважаемый Петр Александрович: как ни лестно ваше слово, что я прекрасно провела *свою* мысль по всему лабиринту сцен в Фаусте; но что делать? Я должна откланяться ему. Я слишком для этого женщина, чтобы мне создавать свои мысли да еще водить их по лабиринтам. Я сама шла привязанною к поэтическим стопам Гете, не смея иначе пошевелиться; а ведь это доля наша — быть вечно на привязи и ходить по пятам

⁴⁹ Дача в Лесном, которую много лет снимал Плетнев.

⁵⁰ Отсылка к посвящению «Евгения Онегина» Плетневу.

⁵¹ Отсылка к рецензии в «Современнике» на перевод Э. И. Губера.

за своим вожатым: так что ж тут прекрасного, посудите сами? Прекрасного — одна доброта моего благодатного учителя, которая всячески старается приласкать и одобрить малейшее порыванье мысли своей маленькой во всем ученицы. Благодарю эту снисходительную доброту, но я не ослепляюсь ею».⁵²

После этого тема Гете уходит из переписки почти на год. В постскриптуме к письму от 8 апреля 1849 года Соханская обращается к Плетневу с «маленькой просьбой»: «По нынешним моим делам мне необходимо нужен разбор Фауста: если мои письма у вас не уничтожены,⁵³ — сделайте одолжение, перешлите мне два из них, где говорится о Фаусте».⁵⁴ 26 апреля,⁵⁵ перечисляя свои литературные занятия, она сообщает о новом замысле: «...если у вас не затерялись мои письма о Фаусте, то еще прежде осени, Бог даст, я успею составить другой большой разбор наподобие Манфредова.⁵⁶ Деревенские лекции, предполагаемый ряд этих разборов, как вы видите, соединены с именем и влиянием моего давнего друга и учителя,⁵⁷ и я дорожу их честью более, нежели своими собственными вполне произведениями. Я послала этот разбор к Михайло Ивановичу, чтобы он проверил поданную им мысль и основной взгляд свой, — и он очень одобрил мое изложение, окончательное развитие и прослеженые его идеи по всем закоулкам трудной поэмы; но все полное, успокоительное решение зависит от вас, Петр Александрович, и я жду его со всей тревогой ожидания».⁵⁸

«Письма о Фаусте» еще только предстояло превратить в статью. 23 мая 1849 года Соханская продолжает сообщать о своем замысле: «Большой разбор Фауста, если вы одобрите разбор Манфреда, может быть вторым делом Деревенских лекций. — Он находится у вас скатый на двух-трех страничках, и они мне нужны для лучшего осознания мысли, которая уже есть выражена, лежит предо мною лицом, и я могу рассмотреть все черты ее; к тому же одна и та же мысль, повторяемая в разные минуты, не всегда сохраняет силу и полноту своего первого выраженья; а мне бы хотелось постараться обо всем этом. — Итак, если вы не дадите мне всех моих писем (из уваженья к вам и невольной признательности к ни чем не оправданному знаку вашего внимания я не решаюсь настаивать на присылке листков), то, Петр Александрович, у вас под рукою целая канцелярия: можно сделать выписку. Вы ведь давали ваши письма переплетчику; отчего ж не дать их еще и переписчику? — Но если по какому-нибудь прямо женскому капризу вам вздумалось сделать одно и не захочется другого, то, извольте, я уже избавляю вас от всякого налога».⁵⁹

В это время пришли новые замечания Плетнева, и 20 июня разговор о Манфреде и Фаусте опять продолжился. Приведем часть письма, посвященную обоим «деревенским лекциям» вместе, оставляя в стороне фрагмент, в котором автор запальчиво защищает свою статью от упрека в «монотонности» и недостатке «определенности».

«Насколько может простираться мое шаткое разумение, я не совсем согласна, чтобы Манфред был то, что в обыкновенном смысле может назваться подражанием Фауста: во-1-х, Байрон был слишком самостоятелен и слишком горд для подражания; а во-2-х, когда, подумавши, вникнешь в оба эти создания, между ними лежит слишком большая разница, чтобы ей не уничтожить мысли о всяком заимствовании. Кроме того, что оба действующие лица заняты чернокнижием и вызывают духов, между ними ничего нет общего. Фауст утомленный, обезнадженный мыслию, искушенный, бурно бросается в жизнь, и перед нами разительная картина его стремящихся действий;

⁵² ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 3. Ед. хр. 621. Л. 12 об. — 14.

⁵³ Из ответного письма она узнает, что письма не только сохраняются, но даже переплетены (см.: Там же. Л. 38 об.), но именно поэтому и не могут быть присланы — разве что вместе со всей подшивкой.

⁵⁴ Там же. Л. 35.

⁵⁵ Плетнев получил это письмо только 16 мая, ответит 24-го.

⁵⁶ Разбор поэмы Байрона был послан Плетневу, по-видимому, вместе с цитируемым письмом.

⁵⁷ М. И. Ильенко.

⁵⁸ Там же. Л. 36 об. — 37. Далее она говорит о том, что ей не хотелось бы отдавать этот свой труд в газету: «Вот этот самый разбор Манфреда, он мне является более статью журнальную, нежели пригодной для фельетона...» (Там же. Л. 37).

⁵⁹ Там же. Л. 38 об. — 39.

трагедия Маргариты; Фауст не кончен. Манфред, наоборот, из жизни глубоко страстной, пронесшейся над ним как жгучий ураган пустыни, Манфред невольно погружается в мысль, и эта мысль неотразима; она влечет его все глубже и глубже, как камень, привязанный к шее утопленника. И ничего тут нет удивительного, что участие большинства обращено к Фаусту, а Манфред для него холоден и бесцветен: живая трагедия лиц, очевидная выпуклость действия слишком заманчивы и понятны; между тем как глубокая драма чувства, его неизмеримые страдания и, еще более, высокие страдания мысли, они не многим доступны».⁶⁰

Из-за возникших разногласий вопрос о третьей «деревенской лекции» больше не поднимался, Соханская, по-видимому, оставила саму мысль об этом цикле, занятая работой над повестями, и теперь единственным свидетельством о ее ранних критических опытах являются лишь письма к учителю и отцу, как скоро она стала называть Плетнева. Особый интерес представляет в этих текстах то, что перед нами не конспект из прочитанных статей и не гимназическое сочинение (хотя некоторые жанровые признаки школьной работы в письмах тоже есть), но сочетание монолога-медитации (припоминание своего впечатления от прочитанного) и изящно-легкой полемики, благодаря которой мы теперь можем хотя бы частично реконструировать и ответные реплики адресата «писем о Фаусте».

⁶⁰ Там же. Л. 40 об. — 41.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-2-97-103

© А. Д. Степанов

А. П. ЧЕХОВ И К. С. БАРАНЦЕВИЧ: К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ИНТЕРТЕКСТА

Определение критериев интертекста по-прежнему остается одним из сложнейших вопросов современного литературоведения. Если не существует документальных доказательств того, что писатель А имел намерение как-то отреагировать на текст писателя Б, и постекст не содержит прямых цитат из претекста с указанием источника, то возникает возможность исследовательского произвола — «вчитывания» одного текста в другой. Поиск скрытых цитат и реминисценций в художественных произведениях на протяжении последних десятилетий был «мейнстримом» отечественного литературоведения. В условиях кризиса интерпретации, когда не существует ни авторитетной идеологии, ни господствующей научной школы, ни сильной теории порождения и структуры художественного текста, толкование уступает место созданию бесконечных списков параллельных мест между самыми разнородными произведениями. В результате создалась парадоксальная ситуация: ни одна статья не обходится без интертекстуальных параллелей, однако не существует общепринятого представления о границах «истинной» интертекстуальности и произвольного «вчитывания».

Проблема критериев интертекста не может быть решена одновременно, для этого требуется множество осознанных усилий специалистов в разных областях истории литературы, основанных на конкретных наблюдениях. Следует согласиться с И. А. Пильщиковым в том, что «критерии сходства исторически варьируются. Только обследование широкого круга примеров позволит выявить закономерности, характеризующие системы „интертекстуальных сигналов“ исторически конкретных групп текстов. Необходимо всерьез поднять проблему исторической изменчивости форм и маркеров интертекстуальности».¹ В данной работе предпринимается попытка на частном,

¹ Пильщиков И. А. «Ante hoc, ergo propter hoc». Еще раз о критериях интертекстуальности, или «Случайные» и «неслучайные» сближения (на материале поэзии пушкинской эпохи) //